

18+

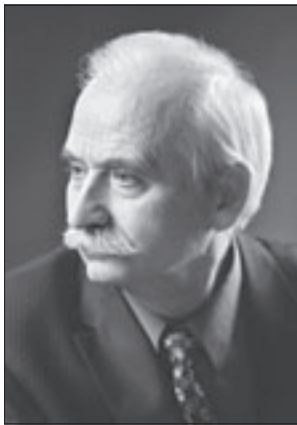
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №5 ГАЗЕТА

Виктор Кудинов / Пир Клеопатры

КУДИНОВ Виктор Сергеевич

Родился 7 января 1940 года в г. Балашиха Московской области. Трудовую жизнь начал с 17 лет, служил в Советской армии, вел следственную работу в органах МВД. В 1970 году закончил Всесоюзный заочный юридический институт. Как специалист по авторскому праву работал в издательствах «Русский язык», «Художественная литература», «Роман-газета». Автор исторических, детективных и детских произведений, в том числе: «Неволя», «Адель», «Гнев Кабилов», «Филипп», «Закрытая комната», «Бедный русский», «Приам» и другие.

В 2020 году журнал «Балашиха: Голоса сердец» начал публиковать новый роман писателя «Дом минувшего времени». Электронный журнал в интернете «Русскоязычная Америка» № 1 за 2020 год (Архивный № 554) опубликовал первые главы исторического романа Виктора Кудинова «1812», который вызвал у американского читателя «фантастическое впечатление» и имел восторженный отзыв.

Член Союза писателей России. Член Академии Российской литературы. Лауреат премии А. П. Чехова.

Живет в Реутове, Московская область.

«Автор, как нетрудно догадаться, перелопатил гору исторического материала, наглотался пыли в архивах и библиотечных залах. Картина Египта той далекой поры выписана сочно и привлекательно: есть интрига, хватает фигурных деталей и любопытных персонажей. Читатель, без сомнения, сможет, ознакомившись с этой книгой, составить представление о быте и нравах древних египтян, о правителях и рабах, о художниках и философах далёкой эпохи».

«Независимая газета»

Читайте в ближайших номерах «Роман-газеты»

Светлана ЗАМЛЕЛОВА — «Посадские сказки»;

Анатолий САЛУЦКИЙ — «Немой набат» (вторая книга);

Платон Беседин — «Проект «Донбасс», повести и рассказы;

Владимир Ситников — «Черный квадрат с просветом», роман.

Александр Леонидов — «Ключ от Ничего»
(завершающая часть трилогии «Апологет»);

Новый исторический роман **Сергея Казначеева** о Степане Разине;

Сборник рассказов **Александра Кузнецова-Тулянина** «Человек из рая»;

Фантастический роман **Александра Ольшанского** «Инопланетяне»;

Исследование **Кирилла Привалова** — «Оружие негодяев»
(о роли ядов в истории человеческой цивилизации);

Сборник «Современная русская историческая проза»;

До конца года на страницах журнала также будут опубликованы новые произведения Бориса Екимова, Владимира Крупина, Виктора Лихоносова, Владимира Личутина, Юрия Полякова, Виктора Пронина, других известных писателей.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2021 №5 /1874/ Основана в 1927 г.

Виктор Кудинов

Пир Клеопатры

Роман

1. ДОЧЬ ПТОЛЕМЕЯ

В то ясное чистое утро она проснулась раньше обычного и сразу вышла из прохладных покоев под портик. Солнце слепило ее, она зажмурилась. От колонн падали тени, мраморный пол пестрел светлыми и темными пятнами.

Клеопатра не умывалась, не охладила себя водой из источника. Она только прополоскала рот розовым настоем, чтобы заглушить кислотоватый привкус после сна — следствие питья лекарственных горьких трав накануне. Дошла до первых колонн у ступенек лестницы, спускавшейся в обширный парк. Длинный подол туники ниспадал до пят, черные распущенные волосы достигали поясницы.

Некоторое время женщина стояла под солнцем с закрытыми глазами, наслаждаясь его теплом. Из листвы неподвижных пальм и смоковниц доносился писк и свист птиц.

Встревоженно закричала обезьянка, ей ответил сердитым клекотом большой синий попугай. Царица открыла глаза. Птица перелетела с одного дерева на другое — мелькнула, как синий лоскут, и скрылась в листве.

Внизу, на площадке, выложенной каменными плитами, появился черный раб с венником на длинной палке. Увидев царицу, он упал на колени, ткнулся лбом в плиту и замер; так он должен пролежать, не двигаясь, затаив дыхание в почтительном унижении, не подымая глаз на женщину, которую молва почитала божественной, прекраснейшей из всех живущих.

Лишь позже, когда раб отполз в кусты и густая листва надежно скрыла его, он с любопытством глянул через плечо — царица наклонилась, подобрала подол и потерла рукой беловатую ногу ниже колена. Густые волосы черной гривой свисли чуть не до пола. Выпрямившись, она закинула их движением головы за спину. Потянулась, подняв руки и прижав ладони к затылку. Полная грудь приподнялась в раздвинувшемся вырезе полупрозрачной туники, широкие рукава съехали за локти.

Легкое и радостное чувство наполняло Клеопатру, и ей, семь дней проведенной в жестокой черной меланхолии, в слезах, беспричинных рыданиях, метавшейся между отчаянием и туманными надеждами, вновь окружающий мир показался чудесным и желанным. «Да, хорошо! — подумала она. — Я — живу!» Она вдохнула до самой глубины груди свежий морской воздух, и улыбка сделала ее лицо нежным и милым.

Публикуется в авторской редакции.

Солнце припекало, жгло. Пальцы ног вспотели, вынув маленькую ступню из одной туфли, она коснулась пальцами прогретого мрамора, затем скинула и вторую. «Дивно! Дивно!» — прошептала, спускаясь на террасу. Подойдя к самому ее краю, Клеопатра уперлась коленями в низкий парапет. Желтый свет дрожал на поверхности моря широкой полосой. Вода разливалась до горизонта ровной голубой гладью. Небо, тоже голубое, было бледнее моря. Среди веселой зелени желтел песок — узкая каемка низкого берега, которую время от времени лизала набежавшая волна.

Несмотря на раннее утро, в Большой гавани началось движение. Одни суда отплывали, взмахивая длинными мокрыми веслами, другие вплывали из-под арки высокого моста на дамбе, — длинное сооружение из камня, земли и дерева, тянувшееся от мыса Лохиад, на котором расположился прекрасный и сложный ансамбль дворцов Птолемеев, до скалистого островка, занимаемого маяком, почитавшимся одним из Семи чудес света. Маяк действительно был хорош — высокая белая грандиозная башня, поставленная на четырехугольный цоколь, — и сейчас, любуясь им, она постаралась назвать имя зодчего, который построил это сооружение за двести лет до ее рождения, но так и не смогла припомнить.

Высоко в небе кружил орел. Следя за его полетом, царица заметила поверх вершин пальм сизый дымок — что-то горело за городом, по-видимому, у Мареотийского озера, а сам город ослепительно белел справа и слева, раскинувшись далеко за мощные каменные стены с прямоугольными башнями.

Улицы прямыми линиями — узкие, широкие, длинные, короткие чертили его с севера на юг и с востока на запад. Так когда-то задумал Александр Македонский, чтобы город продувался насквозь северными ветрами, дувшими постоянно с моря в летнее время года. Плоские кровли домов опускались и подымались квадратами; обелиски на площадях возвышались, будто белые гигантские столбы. Храмы были покрыты черепицей, белизна их мраморных колонн в солнечном блеске казалась ослепительной. Мосты без перекрытий и перил над каналами опирались на каменные столбы. Желтые пилоны из песчаника, привезенные из Мемфиса, с вдавленным орнаментом, приземистые, широкие у основания, напоминали о людях, что строили пирамиды.

То там, то в другом месте курчавились вершинами деревья, скрывая собою постройки. Кипарисы и пальмы росли обширными рощами вперемежку с развесистыми могучими кедрами и пирамидальными тополями.

Птицы захлопали крыльями, резкий крик карликовых попугаев неожиданно оборвался, и они вспорхнули, как разноцветные яркие бабочки, перелетев на левую сторону парка.

Привлеченная шумом, Клеопатра, поднявшись на носочках, поглядела вниз. Почти бегом, сильно напрягаясь, два худых эфиопа вели под уздцы белоснежного коня. Легкий султан из страусовых перьев качался между острых подрагивающих ушей. Конь приседал, подпрыгивал, мотал головой, разбрызгивая с черных губ белую слюну. Рабы тщетно пытались его сдержать. То был подарок Гнея Долабеллы, бывшего наместника Сирии, погибшего в Лаодикии. Коня по ее приказу каждое утро проводили под окнами опочивальни, чтобы напомнить ей о ясноглазом римлянине, одном из близких ее друзей.

Звонким голосом Клеопатра позвала своего любимца: «Эрос!»

Рабы остановились, но жеребец протащил их за собой, выгибая тонкую шею с длинной гривой.

— Пустите его! — распорядилась она.

Освобожденный конь, словно пушенная стрела, помчался по песчаной дорожке в глубь парка; длинная грива взвилась, хвост вытянулся на лету. Радостное ржанье замерло вдалеке. Рабы побежали следом.

Клеопатра улыбнулась, наблюдая за ним, ибо бегущий конь был еще более прекрасен, чем при ходьбе. Утренняя встреча со своим любимцем добавила к ее бодрости уверенность в удачливом дне. Да соизволит Исида подарить ей радость. Она так этого хотела.

2. СПАСИ МЕНЯ ОТ ГОРЕЧИ И НЕВЗГОД

По мере того как она углублялась в покои дворца, прохлада становилась ощутимей; легкий сумрак густил в углах, едва означая очертания предметов.

Рабыни и служанки исчезали, завидя ее, лишь скульптуры богов оставались на своих местах, бесстрастные, равнодушные к человеческой суете. У ног Сераписа, высившегося почти до потолка, горела лампада; огонь освещал его снизу, и бог из белого мрамора казался желтым, точно выточенный из слоновой кости. То было изображение молодого мужчины, бородатого, усатого, с длинными, до плеч, завитыми волосами. Обликом он напоминал Зевса или Асклепия, с той только разницей, что на голове он держал изящную корзиночку с плодами и фруктами, ибо прежде всего люди ждали от него здоровья и плодородия.

Перед Исидой в соседнем зеленом зале Клеопатра остановилась. Горели два светильника, источая ароматные сирийские благовония. В центре раполагался водоем из темно-красного гранита с чистой проточной водой, как раз над четырехугольным отверстием в потолке, через которое поступал дневной свет и спускались четыре изогнутых стержня, наподобие виноградной лозы.

Не было случая, чтобы царица, возвращаясь в свою опочивальню, не произнесла, пусть короткую, молитву у ног богини. То была не египетская Исида с маленьким Гором на коленях и большими коровьими рогами, поддерживающими солнечный диск, на голове, а эллинская, в тунике и столе, с диадемой, изображающей луну. В левой руке богиня держала за ручку кувшин с нильской водой, а в правой сistr. То была добрая, прекрасная лицом богиня, защитница всех страждущих и нуждающихся в помощи.

Как и всякая женщина, Клеопатра боялась неизвестности и перемен, впадала в отчаяние от невзгод, пугалась темноты и мышей, любила развлечения, музыку и пляски, постоянно влюблялась, и даже чаще, как говорила ее служанка Ирада, чем иные смертные, потому что женская натура слаба и отзывчива, но перед Богиней она приобретала покой и отраду.

Тут дочь Птолемея XII Неоса Диониса, владычица богатого и обширного царства, отнюдь не по воле Цезаря, а по определению судьбы, стояла смиренно и чинно перед великой богиней, сложив на груди руки и смотря на улыбчивый мраморный рот, повторяя слово в слово неизменно следующие: «Дарительница богатств, царица богов, всемогущая, счастливая судьбой, Исида, великая именем, создавшая все сущее! Благая Исида, молю тебя, приди мне на помощь, ослабь врагов моих, укрепи друзей, окажи свою милость, избавь меня от горя и печали, даруй мне радость и новую любовь, накорми людей моего царства, чтобы они в благодушии пели и не замыслили смуту. Пусть во всем мире царствует любовь! Я прощаю всех, и пусть они простят меня, как ты прощаешь. Даруй мне надежду на лучшее и поддержи меня, слабую! И пусть все идет своим чередом».

То же самое она сказала и в этот раз, и закрыла глаза, и постояла немного, как бы в оцепенении, ничего не видя и ни о чем не думая. И только немного погодя в ее сознании забила мысль, точно птичка в темноте: «Я — спокойна, ничто меня не волнует, не печалит. Все будет хорошо!»

Она приподняла ресницы, глубоко вздохнула и ступила в свою опочивальню, откуда совсем недавно вышла на солнце.

Слабым ароматом пахли розы. Цветы большими букетами торчали из круглых ваз, стоявших по углам на полу и в изголовье ее постели. Широкое просторное ложе, украшенное слоновой костью и драгоценными камнями, занимало середину обширной спальни. Над ложем на свитых из серебра и шелка шнурах висел легкий полог, а выше, в конусообразном потолке, зияло круглое отверстие, через которое видно было небо — звездное по ночам, голубое утром и днем.

Шесть ромбовидных проемов на каждой из стен, над карнизом, под конусом, сквозили пустотой и

беспрепятственно пропускали свет. От одной стены сверху вниз протянулись шесть ярких солнечных лент.

Солнечные зайчики дрожали на хрустальных подвесках в виде капель, нанизанных на бесцветную нитку. От подвесок, как паутина, спадала прозрачная занавеска нежного небесного цвета. Сквозь ее голубизну были видны разбросанные смятые подушки, сбитые простыни из тонкого льна, на которых она только что спала.

Взгляд ее задержался на больших римских зеркалах, прислоненных к стене, — длинные металлические полосы, убранные в резную деревянную раму, отшлифованные до блеска, до необычайной гладкости, способные изобличать смотрящего все равно, что спокойная поверхность чистой воды. Приблизившись к ним, она в упор посмотрела на себя. Не хватало света.

Клеопатра хлопнула в ладоши. Явились рабыни и упали перед ней. Одним лишь жестом руки она приказала зажечь светильники на тонких ножках, стоявшие по обе стороны от зеркал. Когда горевшее масло слегка задымилось, распространяя сладость, рабыни, пятась, удалились. Бесчисленные желтые огоньки задрожали на гладких стенах.

Ленивым движением рук она спустила с плеч тунику; мягко шелестя, та упала к ее ногам. Клеопатра переступила через нее. Сорочка из шелка телесного цвета была так коротка, что не скрывала колен; длинный и широкий вырез сужался под грудями; затвердевшие маленькие сосочки, как горошины, проступали сквозь ткань.

Клеопатра долго разглядывала себя со всех сторон, выставляла вперед то левую, то правую ногу с изящными продолговатыми коленями; выгибала тонкую, как у девушки, шею; повертывалась спиной и глядела через плечо на свой затылок и изгиб лопаток; трогала пальцем губы, убеждаясь, мягки ли и влажны ли они, как и прежде; закручивала волосы, собирала их в узел и вновь распускала во всю длину.

Подойдя ближе и взглядевшись в отражение своих глаз, — густая темень роговиц, черные, как агат, зрачки, влажность по бокам белка, — она осталась довольна их загадочным томным выражением. И сказала сама себе: «Да, хороша!» Подбросила волосы вверх и, засмеявшись, развернулась на пятках.

Перед ней стоял столик, отполированный, как стекло; в гладкой его поверхности язычком пламени колебался ее извращенный облик. Чуть поодаль — ларец на высоких ножках, весь покрытый иероглифами.

Она подняла полукруглую крышку. Мягкими переливчатыми цветами радуги засверкали ее украшения и драгоценности. «Посмотрим, что тут», — проговорила она и, отведя от правого глаза большую

прядь волос, запустила пальцы обеих рук в гущу драгоценного металла и цветных камней и подняла, что смогла, в пригоршни. Несколько жемчужин застучали об пол и раскатились.

Ее взгляд привлек камень анфракс, напоминающий сгусток бычьей крови; рядом голубели холодные сапфиры; кольца и браслеты отливали зеленью смарагда. Золотые амулеты и широкие запястья поражали своей чеканкой. Белое ожерелье из крупного жемчуга она подцепила пальцем и тут же бросила, заметив прижатую к стенке ларца звезду из голубого аметиста. Под звездой, как свежая кровь, краснели кораллы. Желтый янтарь украшал ножные браслеты, а рядом, как глаза, сверкали алмазы. Шарiki розовых бус, нанизанные на золотую нитку, перепутались с серьгами. В височных подвесках от малейшего прикосновения дрожали светлые камешки, внутри которых, казалось, переливалась морская вода.

Диадему, убранную изумрудными камнями, так красиво играющую малиновыми, зелеными, кремовыми, синими красками, она в приливе какой-то детской радости прижала к своей груди и долго не отпускала, пока не заметила камею, на которой изображен ее портрет в профиль.

Царица посмотрела на себя в зеркало, на камею и, еще раз убедившись в точном сходстве и что это она — прелестная женщина, она, и никто иная, прошла босая по ковру взад-вперед, горделиво косясь на свое отражение.

Послышался легкий шорох, стук сандалий. Смуглая рабыня в розовой тунике опустилась перед ней на колени. Она сообщила тихим голосом, что пришел Нофри, племянник верховного жреца, справиться о ее здоровье. Управляющий дворцом его не пустил, но, зная о ее особой милости к этому человеку, хотел бы знать, что ему делать дальше.

Она распорядилась:

— Если племянник верховного жреца не ушел — пусть войдет! Я приму его до завтрака.

3. АРСИНОЯ, НОФРИ. АРСИНОЯ!

Принесли одежду и воду для умывания. Она сама промыла себе глаза, протерла влажными пальцами шею и виски. Прозрачная холодная вода колыхалась в большом серебряном тазу с ручками в виде голов сатиров.

Ее расчесали, скрепили волосы заколками, накинули на голову полосатый платок, какой некогда носили древние царицы, и она вышла из своих покоев величаво и степенно, как и подобает ходить царственным особам, сопровождаемая приятным негромким звоном медных колокольчиков в руках юных служанок, составляющих ее свиту.

Нофри ждал ее у колонны, под портиком, одетый по-простому, в белый хитон. То был племянник Пшерони-Птаха, верховного жреца Мемфиса, сын его брата и греческой женщины. Они были ровесниками и, случалось, даже играли в детстве.

Когда Нофри исполнилось тринадцать лет, он бежал из родного дома, повергнув в смятение своего отца и знаменитого дядю. Его считали погибшим, но он неожиданно появился вместе с легионом Цезаря, и тогда многие решили, что у римлян он свой человек. Это едва не стоило ему жизни, ибо в Александрии нашлись такие, которым он стал ненавистен. Однако Серапис проявил к Нофри милосердие — его никто не тронул, и племянник верховного жреца в те роковые дни оказался весьма полезным для Клеопатры и Гая Юлия.

После окончания войны, когда Клеопатра под охраной римских мечей обосновалась на царском троне, Нофри вновь покинул Александрию. На этот раз его путь лежал на восток. Он много путешествовал по Вавилонии, Персии, Индии; он побывал во всех местах, через которые когда-то прошагали грозные фаланги знаменитого македонца. Он посетил даже Гидросию и своими ногами, как Александр Великий, отмерил безотрадные солончаки и песчаные дюны под лучами жгучего безжалостного солнца, без глотка воды, в одной войлочной кавсии и в обмотках на ногах вместо порванных сапожек.

В Малой Азии он повстречался с одним без нужды блуждавшим легионом Марка Антония и вывел его истомленных жаждой воинов к загадочному озеру среди гор: стоило им только освежиться и отведать чистой и холодной, как лед, воды, как в небе что-то прогрохотало и озеро на глазах изумленных и испуганных римлян стало уходить под землю. Однако Нофри успокоил их, объяснив, что это странное явление произошло не от гнева богов, а по природному закону, и с тех пор он стал сопровождать легионы Марка Антония в походах как гадатель и астролог.

Нофри приветствовал Клеопатру сдержанным поклоном и, распрямившись, сказал с явным беспокойством:

— Я слышал, госпожа моя, что после нашей встречи ты занемогла.

— Не буду скрывать, милый Нофри, но наш прошлый разговор стал причиной моего расстройства.

— Какое нечаянное слово повергло царицу в столь сильное смущение?

Царица искоса поглядела на него, моргнула длинными ресницами, думая, говорить или не говорить, и, видя, что он молча ждет, ответила:

— Арсиноя, Нофри. Арсиноя!

Имя своей младшей сестры она произнесла спокойно, без раздражения, без того эмоционального

всплеска, которым разразилась в их первую встречу, стоило ему сообщить, что эта дрянь, как она именовала Арсиною, неожиданно и тайно объявилась в Эфесе, в храме Артемиды. Тамошний жрец когда-то приютил ее отца, Птолемея Авлета, спасающегося от убийц, посланных старшей дочерью Береникой, которая захватила власть в Александрии, стоило тому ненадолго отлучиться из Египта. Теперь этот жрец дал приют Арсиное, её непримиримому врагу.

— О Исида, мать богов! — простонал Нофри, потирая указательным пальцем переносицу, дивясь тому, как это он забыл, что Клеопатру с младшей сестрой связывали самые неприятные воспоминания. Если бы не счастливые обстоятельства и не Гай Юлий, стареющий улыбчивый человек в кожаной эгиде, царицей Египта, возможно, была бы Арсиноа, а не Клеопатра, ибо тогда, шесть лет назад, во время междоусобицы, на сторону младшей дочери Птолемея встали почти все жители Александрии.

— И не только это, — уточнила царица, — но и гнев Антония. Из твоих слов я поняла, что в его свите есть мои недоброжелатели.

Нофри в задумчивости покачал головой. Он ответил не сразу, подыскивая нужные слова:

— В свите Антония есть люди, которые при упоминании о Египте и его царице впадают в раздражение. Не от большого ума, конечно. Не будем говорить о недостойных твоего внимания.

— Почему же? Я хотела бы знать их имена, — сказала она, сверкнув глазами. О своих врагах Клеопатра желала знать все, все до мелочи, чтобы при возможности напомнить им о себе.

Нофри снова уклонился от прямого ответа, не назвал ни одного имени, но высказал главную причину недовольства римского триумвира.

— Твои галеры, посланные Кассию...

Клеопатра не дала ему договорить:

— Ах, галеры! И Антоний поверил клевете? Чтобы я убийце Цезаря оказала поддержку? Я послала Долабелле в Лаодикию четыре легиона, и не моя вина, что Кассий их перехватил в пути. Я собрала большой флот, чтобы оказать поддержку Антонию и Октавиану в их борьбе с этими выродками. Но сильная буря разметала мои суда, а я, едва жива, добралась до Александрии и надолго слегла от жестокой простуды.

Сказав это, она покашляла в кулачок и в обиде приуменьствовала: не в ее нраве было перед кем-то оправдываться. Нофри она доверяла, считала его за своего, поэтому и высказалась так откровенно. Но перед Марком Антонием, перед этим мнимым потомком Геракла, который обивал пороги ее виллы под Римом, где она проживала с такой дерзкой роскошью, от которой, по льстивому замечанию этого всадника, у него слепли очи, она бы не стала оправдывать-

ся. Да, много изменилось за два года после смерти Цезаря, коли Антоний ждет от нее подобного унижения. Ее гордость была уязвлена, но она не подала вида, что считает себя оскорбленной. Она постаралась обдумать свое положение, ибо появление Арсинои в Эфесе, неподалеку от Киликии, где обосновался со своими легионами Марк Антоний, нельзя объяснить простой случайностью.

— А скажи мне, Нофри, — произнесла она после короткого молчания, — этот Антоний все такой же любитель поесть и выпить?

— О да, моя царица! Антоний неисправимый любитель обильных трапез и шумного веселья.

И он начал рассказывать о его пирах, попойках и карнавальных шествиях, в которых триумвир рядился Дионисом, а для полного сходства окружил себя сатирами и вакханками, так и шествовал по Малой Азии, без брани завоевывая город за городом, как некогда шествовал шумный сын Семелы по землям простодушных народов.

Так они прохаживались по аллеям цветущего дивного царского сада, в тени пальм и сикомор, и разговаривали о человеке, которого оба хорошо знали.

Клеопатра впервые увидела Антония, когда ей было лет четырнадцать. Тогда Антоний прибыл в Александрию во главе всадников, чтобы усилить легион Габиния, и своим большим ростом, громким голосом привлек внимание молоденькой смешливой царевны, которую во всеуслышание называл «моя божественная госпожа» или «несравненная роза Египта».

4. С КЕМ ТЫ?

Как тени следовали за ними черные рабы с опахалами и служанки с колокольчиками. Вскоре они ее стали раздражать своим немимым присутствием, и она отослала их назад. Лишь два рослых эфиопа остались. Царица повелела им отправиться за остальными, но те, точно глухие, в смущении топтались на месте.

Клеопатра пристально поглядела на рабов; голубенькая венка забилась на виске, свидетельствуя о раздражении.

Предчувствуя беду, эфиопы рухнули, будто срубленные дубы, и поцеловали землю между своих рук, являя полную покорность.

Царица отвернулась, беззлобно проговорив: «Дурни!» И тотчас объяснила, что с ней однажды произошел обморок вследствие солнечного удара и управляющий дворца запретил им отходить от нее.

Рабы, мерно взмахивая черно-белыми опахалами из страусовых перьев на длинных палках, нагоняли прохладный ветерок.

Клеопатра поглядывала то себе под ноги, то на лицо Нофри, бритое и чистое, вытянутое, как у аскета.

Племянник великого жреца возмужал и вырос. Жаркое солнце обожгло его кожу; он точно высох — до того был худ; ввалившимися щеками и заостренным большим носом он напоминал Цезаря. «Собственно, зачем он прибыл? Уговорить встретиться с Антонием?» — подумала она, а когда попыталась выведать причину его возвращения, он откровенно признался:

— Пусть царица не обижается на меня, но перед приездом Деллия, у которого к тебе особый разговор, я должен подготовить соответствующую обстановку. Словом, всячески способствовать тому, чтобы легату был оказан благожелательный прием.

— Вижу: Антоний стал осторожен.

— На тебя он возлагает большие надежды и хотел бы, чтобы ты стала ему союзницей.

— М-да. Насчет союза я еще подумаю. А если откровенно — мне не хотелось бы встывать между им и Октавианом. Они постоянно ссорятся и затевают друг с другом распри. Я желаю одного, чтобы и тот и другой оставили Египет в покое.

— Это самое лучшее, что можно пожелать. Однако рано или поздно тебе, царица, придется решать, с кем ты? С Антонием или Октавианом? В конце концов кто-то из них станет победителем. А как победитель отнесется к Египту, известно одному лишь богу. Не лучше ли заранее определиться тебе самой?

— Вот это меня и беспокоит. Хотелось, чтобы они занялись чем-нибудь другим. Ну хотя бы Парфией.

Они шли вдоль парапета рукотворного круглого водоема. Журчали фонтаны из приподнятых львиных морд. Под водой небесного цвета плавали узкоспинные рыбы. Иногда какая-нибудь с блестящей чешуей застывала, затем, внезапно двинув раздвоенным хвостом, стремительно отплывала, поднимая с неглубокого дна струйку песка.

В это время один из эфиопов споткнулся и растянулся на земле. Падая, он коснулся царицы перьями своего опахала. Клеопатра резко повернулась, брови ее гневно сошлись над переносицей, но, увидев раба распростертым и перепуганным, снисходительно улынулась.

Другой раб помог ему подняться. Упавший отрянул пыль с опахала, с левого колена медленно сползал ручеек темной крови.

— Возвращайтесь! Вы мне больше не нужны, — это было сказано таким тоном, что они не посмели послушаться.

Присев на парапет, Клеопатра опустила руку в воду. Стайка мелких рыбешек шаркнулась в сторону; по поверхности водоема побежали слабые круги.

В это время она напонила ему девочку, которую он целовал когда-то у куста розмарина. Мог ли он

тогда подумать, что она станет такой обаятельной женщиной. С той поры произошло много событий: погиб в ромейской войне Птолемей XIII, первый муж и брат Клеопатры; убит Цезарь; внезапно умер другой брат Клеопатры, совсем мальчик, Птолемей XIV, и теперь, согласно династическому обычаю, Клеопатра правила Египтом совместно со своим малолетним сыном Птолемеем XV, по прозвищу Цезарион. Народ, сановники и жрецы хотели, чтобы страной Кемет, как они называли Египет, управлял настоящий царь, полноценный мужчина, сильный и твердый, а не слабая и властолюбивая женщина.

Клеопатра задала Нофри вопрос, над которым думала в течение последних дней.

— Что ты можешь сказать про Октавиана? Когда я жила в Риме, этот молодой человек только дважды посетил меня. Один раз его приняла. Он молча просидел в кресле и ушел, кажется, очень смущенный. Явился в другой раз, но встреча у нас не состоялась: у меня разболелась голова. Он злопамятен, этот Октавиан?

Взгляд Нофри невольно задержался на ее вздымающейся и опускающейся груди. Клеопатра улыбнулась, определив направление его взора. Она пьянела от сознания, что нравится мужчинам не как царица, а как женщина, что мужчины замечают, как она безукоризненно сложена. Она поднялась, стряхивая с пальцев капли. Улыбка совершенно преобразила ее лицо: оно стало обворожительным.

— Мне кажется, что Октавиан помнит все.

— Я слышала, что он очень целеустремлен и настойчив. Кого он ставит себе за образец?

— Гая Юлия.

— Это похвально. Если он так же честолюбив, как Цезарь, — она усмехнулась, — берегись, Клеопатра! Кстати, там же, в Риме, гаруспик нашептал, что мне следует опасаться некоего молодого человека. О нем только и сказал, что тот не пьет вина и уклоняется от развлечений. Не знаешь, пьет ли Октавиан?

— До выпивки Октавиан не большой охотник. Для него главное — дело, а потом развлечения, к которым он, в сущности, равнодушен. Не то что наш добрый Антоний. Тот, кажется, всю жизнь бы провел в забавах и пирах.

— Октавиан — мой злой гений, — заключила Клеопатра с горькой усмешкой. — Ну что ж, и злые гении бывают покладисты, если к ним умеючи подойти.

«Только не Октавиан!» — хотел было сказать Нофри, но промолчал.

От водоема они пошли по длинной прямой аллее из финиковых пальм и сикомор, которая привела их к широкой белой лестнице, ведущей во дворец.

Просторные полукруглые площадки, одна выше другой, прерывали ее в трех местах. На каждой из

них, на парапетах, громоздились спящие, в натуральную величину, каменные львы с вытянутыми вперед толстыми лапами.

Многоэтажное здание дворца, построенное из нубийского мрамора и гранита, было гордостью Птолемеев. Восточная пышность удачно сочеталась с греческим изяществом и македонской строгостью. Дворец возводился на протяжении столетий лучшими архитекторами и строителями. Все, начиная от портала и фронтона и кончая ничтожной деталью фриза или карниза, было отделано с подкупающей красотой и удивительным мастерством. Голубым светился кирпич бесчисленных террас. Роскошные порталы украшали глазурованные плитки и изразцы. Нижние окна, как принято, — в решетках, верхние зияли пустотой; на капителях колонн сверкала позолота. Арки выгибались дугой, точно согнутые ивовые прутья. На плоских кровлях, окаймленных балюстрадой, в деревянных кадках, пропитанных смолой, росли деревца, возносившие свои кудрявые кроны на тонких стволах и оживлявшие веселой зеленью мертвый камень. И над всем этим великолепием, точно белые лоскутья, стаями летали голуби, которых у нее было множество.

В стороне от дворца, возле высоких наружных стен, подымались шестиэтажные пилоны, сложенные из кирпича-сырца, широкие у основания, сужающиеся к вершине. Их стены покрывала красная обмазка, изобиловавшая рельефами, изображавшими зверей: лев терзал быка, волк валил оленя, сокол падал на лебедей, змеи обвивали задыхающихся ланей, крокодилы пожирали ягнят — всюду сильный победил слабого.

Царица поднималась по ступенькам, чуть наклонившись вперед и поддерживая пальцами подол хитона.

Два жреца, изможденных постами, с накидками через плечо, склонились перед ней; их лысины блестели на солнце.

Нофри следовал двумя ступеньками ниже, не сводя глаз с ее стройных бедер; в талии она уже была не тонка, как прежде, но полные груди, плечи и выгиб спины были изумительны.

Остановившись на последней площадке, Клеопатра пригласила его на пир, который должен состояться в ближайшие три дня.

Нофри в знак признательности прижал правую ладонь к сердцу и сказал, что он не против забав и благодарен царице за приглашение.

— А мне казалось, что ты ничего не хочешь знать, кроме своих рукописей. И пиршественную террасу Клеопатры поменяешь на просторный зал Мусея.

Племянник верховного жреца ответил:

— Нельзя же все время думать о делах, нужно и расслабиться когда-то. Кажется, Амазис сказал, что

постоянно натянутая тетива в конце концов обрывается?

— Хорошо, если так. — Она вздохнула и поглядела на небо. — Какое солнце! И как хорошо дышится! Мне не хочется в такой день думать о чем-то серьезном. Ты прав: надо когда-то и расслабиться. Все эти заботы утомляют. Хочется, чтобы их было поменьше, — сказала она, развернулась и пошла в распахнутые настежь двухстворчатые двери дворца, попадая то в тень от колонн и перекрытий, то на освещенные солнцем места.

В коридорах повис мелодичный звон. Он слышался долго. И все это время, Нофри знал, она шла неторопливой походкой, подняв свою небольшую изящную голову в уборе древних цариц.

5. КИНЖАЛ, ЯД, КАМЕНЬ

Клеопатра ступила на террасу, под широкую тень велариума, растянутого на высоте в два человеческих роста между семью шестами.

С террасы открывался прекрасный вид на море и парк. Свежий морской ветерок лениво колыхал голубую ткань.

Посреди стояло роскошное ложе, подле него — столик из красного дерева; на серебряных блюдах горой лежали фрукты, в плетеных корзиночках — сладости и печенье.

Две молодые женщины, Ирада и Хармион, — самые верные ее служанки, одетые в легкие шелковые туники, одна в розовую, другая в желтую, — хлопотали над приготовлением завтрака.

На ковре, поджав под себя ноги, сидела юная девушка, Ишма, любимица царицы. Черноволосая, смуглолицая, она была очень похожа, по мнению служанок, на четырнадцатилетнюю Клеопатру. Сходство на самом деле было немалое, и царице порой казалось, что Ишма — это она сама, пришедшая из юности. Девушку одевали так же, как и ее когда-то, и так же на ней было множество бус, монист, колец, браслетов — и все это блестело, сверкало, а при движении издавало мелодичный тихий звон.

Ирада хлопнула в ладоши. Появились рабыни с подносами, на которых стояли тарелочки с различными кушаньями. Клеопатра возлегла на ложе. Она спросила о здоровье своего сына. Ей ответили, что он еще спит — у мальчика по утрам сон был очень крепок.

Хармион показывала царице яства; та молча морщила нос; тарелочки ставили на поднос, и рабыня бесшумно удалялась. Так исчезла первая, вторая, третья. Четвертую задержали.

Без всякого желанья Клеопатра отведала кусочек от жареной ножки гуся, испачкала пальцы в соусе.

С неохотой отпила из чаши красного вина, вкус которого ей совершенно не понравился, хотя это было ее любимое фалернское, привезенное из Неаполя.

— Что с тобой, госпожа царица? — забеспокоилась Хармион. — Ты совсем ничего не скушала.

— Ах, оставь меня, Хармион, — проговорила Клеопатра, простонав: она почувствовала, что у нее опять начинает портиться настроение.

— Так я и знала! — воскликнула Ирада. — Говорила тебе, — обратилась она к Хармион, — что на ней лица нет?! А утром, казалось, все было хорошо, что царица моя выздоровела.

— Это от племянника верховного жреца. Кто его сюда пустил?

— Перестань, Хармион! Я так хотела сама, — сказала Клеопатра. — Ишма, иди искупайся! И не дуй губы! Иди, иди!

Ишма почти без усилия поднялась на ноги — стройная, гибкая, как лоза. И пошла, позванивая монистами.

Все смотрели, как она спускается по лестнице; все ниже, ниже, точно уходит под землю. Вот стали видны голова и плечи, еще мгновение — и она исчезла.

— Господи, у нее даже походка как у тебя, царица моя. Что за прелесть девочка!

Клеопатра откинулась на подушки и простонала, закусив согнутый палец. Она смотрела, как колыхается, подобно морской волне, велариум. И это почему-то ее раздражало.

Служанки бросились к ней; она рукой отстранила их.

— Не подходите ко мне!

— Да скажи ты нам, царица госпожа, ради Исида, что с тобой? Кого нам звать — врача, знахаря или жрецов?

Клеопатра заметалась на подушках.

— Не знаю кого... Ничего не знаю...

— Ее сглазили! — решила Ирада.

— Магов надо, — определила Хармион.

Клеопатра резко села и тяжело выдохнула, точно больная: она спустила ноги с ложа, но не коснулась ими ковра, лежавшего на мраморном полу, так как было высоко. Туфля с правой ноги ее упала со стуком. Глядя на служанок из-под полуопущенных ресниц, она проговорила низким голосом:

— Все от нее! От сестры моей, Арсинои.

— Да что случилось-то?

— Об этом всем известно, кроме вас, — проговорила царица недовольно. — В Эфесе она, в храме Артемиды!

Ирада в изумлении поднесла худую руку к румяной щеке.

— Стало быть, ромеи ее отпустили!

— Отпустили, — с раздражением подтвердила Клеопатра и с дерзким вызовом поглядела на своих

несколько опешивших служанок. — А почему, почему, я вас спрашиваю?

Ирада и Хармион переглянулись, пожимая плечами. Клеопатра отвела от них свой взор и посмотрела в морскую даль, где мелькало два острых белых паруса, и тихо, но внятно произнесла:

— Растолкуй мне, Ирада, зачем, зачем ромеи отпустили мою сестру? Тем более в Эфес? Разве нет другого места, где бы она могла поселиться? Сицилия, Киринаика, Крит, наконец. Или храм Афродиты в Коринфе — самое подходящее для нее место!

— Не знаю, госпожа.

— Да потому, что она приманка... приманка для Антония. Ибо он находится в Киликии, от которой до Эфеса рукой подать.

Служанки ничего не понимали, глядели на госпожу свою и как бы спрашивали, при чем здесь Киликия, Эфес, Антоний?

— А все потому, что ромеям нужно мое царство! Октавиан и Антоний поделили между собой завоевания Цезаря. И лишь Египет остался неподделанным. Но Октавиан хитер: он привык загребать жар чужими руками. Он решил выждать. Антонию делать в Азии нечего — либо на Парфию идти, либо на Египет...

— Теперь я понимаю, госпожа моя. Все понимаю, — проговорила Ирада и вдруг воскликнула, качая головой: — Господь бог наш Серапис! Госпожа богиня наша Исида! Защитите рабов своих!

— Пусть он лучше отправляется на Парфию! — пожелала Хармион, хмурясь.

Клеопатра молвила уже спокойно, со вздохом сожаления:

— Не пойдет на Парфию, Хармион. Для этого нужны легионы. А чтобы их иметь, надо золото.

— Я понимаю, что Антонию нужно золото, но при чем здесь Арсиноя, госпожа моя?

— О Исида! — простонала Клеопатра, будто от зубной боли, — Ирада, объясни ей. Скажи, кто такая моя сестра. Как она пыталась отобрать у меня царство. И что тут вытворяла в Александрии шесть лет назад. Сначала вместе с Ахиллой, а потом с евнухом своим, этим отвратительным колдуном Ганимедом.

— Это я и сама знаю, царица, — ответила Хармион, скромно потупившись. — Но зачем Арсиноя Антонию, хоть убей, не пойму!

Ирада топнула в раздражении ногой и гневно сверкнула глазами, непонятливость подруги возмутила ее.

— Хармион, ты меня удивляешь! С каких это пор ты разучилась соображать? — Она постучала пальцами, сложенными в шепотку, себе по лбу. — Или ты совсем поглупела?

— Уж не глупее тебя, Ирада!

— То-то и видно, подруга моя дорогая! Скажи, что будет делать здоровый мужчина, к тому же гуля-